

DOI: 10.17976/jpps/2017.04.05

ПОПУЛИЗМ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН: ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ

А.В. Глухова

ГЛУХОВА Александра Викторовна, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой социологии и политологии Воронежского государственного университета. Для связи с автором: avglukhova@mail.ru

Глухова А.В. Популизм как политический феномен: вызов современной демократии. — Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 49–68. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.05>

Статья поступила в редакцию: 26.02.2017. Принята к печати: 10.04.2017

Аннотация. Автор проводит политический анализ феномена современного популизма, его природы и разновидностей, исследует органическую взаимосвязь популизма с новыми условиями существования политики, продиктованными эпохой постмодерна и спецификой “постдемократии” (К. Крауч). В статье выявляются исторические корни современного популизма и порождающие его структурные факторы (среди которых кризис общественного плюрализма и распад среднего класса). Уделяется внимание таким важнейшим компонентам популистских движений, как органическая поляризующая идеология, противопоставляющая большинство меньшинству и ведущая к критике представительных институтов, и яркий лидер, способный превратить народное недовольство и протесты в стратегию мобилизации масс ради завоевания власти. Автор подчеркивает роль современных массмедиа, способных склонить большинство к политике, которая не обязательно будет проводиться в интересах этого самого большинства. Игнорируя открытое, плюралистическое, продолжительное обсуждение, популизм использует стратегию нового объединения народа для выдвижения претензий на большую власть и тяготеет к плебисцитаризму, поскольку превращает народ в реагирующую массу последователей. Популизм оспаривает все не прямые формы политического действия, созданные представительным правлением, и стремится освободить политическую арену от партийных составляющих, наполняя ее одним значимым нарративом (как правило, ретронационализма). Персонализация политики – не случайность, а предназначение популизма, особенно когда массмедиа стратегически применяются как орудия пропаганды. В статье обозначены предварительные подходы к возможной типологизации популистских движений и реальных популистских практик; отмечена полезность критики истеблишмента со стороны умеренных популистских сил и опасность радикального популизма, отрицающего общественный плюрализм и дискредитирующего политические институты. Актуальные проявления популизма рассмотрены на примере избирательной кампании Д. Трампа в США, правопопулистских политических сил в либеральных демократиях Европы. По мнению автора, в противодействии популизму важно учесть два рода требований: повышение влияния граждан на процесс принятия решений и гарантированные возможности политического участия. На этой основе могут появиться новые модели гражданского участия, включая *консультативную демократию*, в рамках которой законодательные процедуры и процесс принятия решений невозможны без подробного обсуждения с гражданами. Таким образом будут генерироваться команды “входа” в политическую систему, разрабатываться экспертизы для правительства и транслироваться интересы различных групп.

Ключевые слова: постмодерн; глокализация; медийная эпоха; постдемократия; популизм; демагогия; плебисцитаризм; ретронационализм; гражданское общество; консультативная демократия.

В современных общественных науках сложился прочный консенсус в отношении характеристик мира эпохи постмодерна как многообразного, неопределенного и неустойчивого. Этот сложный мир демонстрирует разрыв между стремительно меняющейся социальной реальностью и теми возможностями ее осмысления, которые присутствуют в теоретико-методологическом багаже и исследовательском арсенале представителей социальных наук. В попытках постижения новой неклассической реальности исследователи обращаются к процессу глобализации, видя в нем источник происходящих перемен. При этом глобализация нередко рассматривается как полностью объективный процесс, протекающий вне субъективных намерений социальных групп и политических акторов, вне учета того, как последние используют открываемые глобализацией новые возможности. Отрадно, что в последнее время поиски путей преодоления разрыва между научным познанием и объективной реальностью все больше смещаются в сторону анализа субъективной составляющей общественных процессов и выявления прогностического потенциала такого анализа. Примером может служить резко возросший интерес к феномену идентичности как многомерной аналитической категории и одновременно субъективной реальности, что дает большие возможности для оценки перспектив изменений [Семененко 2016: 10]. Или интегративная концепция лиминальности, вышедшая из “родового гнезда” социальной антропологии и приобретающая самостоятельное значение при описании переходных состояний [Сморгунов 2012: 162]. Наконец, анализ современных политических отношений (например, неопатримониализма), лежащих в основании гибридных политических институтов как новое концептуальное основание исследования политической реальности [Морозова 2014: 56-57].

Фиксируя специфику лиминального состояния системы как незавершенного перехода, многие авторы справедливо подчеркивают новую конфигурацию состояний, отличающуюся культурной гибридностью, поддерживающей различия без предписанной или навязанной иерархии. Вместе с тем проблематичность окружающей реальности позволяет политизировать ее, поскольку сущность политического начала заключается именно в проблематичности, т.е. принципиальной оспариваемости тех или иных социальных состояний [Политическое как проблема... 2009: 23-46]. В частности, протекающий в современном мире противоречивый процесс глокализации, т.е. рост взаимосвязанности и взаимозависимости, с одной стороны, и локализации, т.е. обособления в национальных или региональных контекстах — с другой, создает удачную конъюнктуру для политиков-демагогов. Последние мобилизуют недовольных, вовлекают их в сепаратистские проекты, создавая для своих последователей иллюзию иной, более выгодной принадлежности. Но чаще возникают конфликты, сопровождающиеся террором, затем отделением и далее — огромным разочарованием отделившихся, последовавших за очередным вождем и его функционерами и заплативших за это свободой и благосостоянием [Dahrendorf 2003: 40]. Этноплюрализм в целом стал более воинственным — от Страны Басков и Каталонии до Бельгии или Шотландии.

Следует отметить, что мобилизация народных масс сама по себе не имеет однозначной оценки. Она может приводить к великим свершениям, но может порождать и трагедии, подобные случившимся в Европе в 1930-х годах. “Конечно, нет оснований ожидать, чтобы демократические избиратели всегда делали мудрый выбор – особенно в наш век, когда глобализация до такой степени запутывает набор вариантов в сфере политики, – считает Ф. Фукуяма. – Но и элиты не принимают верных решений, а их пренебрежение гласом народа нередко маскирует тот факт, что ‘король-то голый’” [Фукуяма 2016].

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ПОПУЛИЗМА

Органическим дополнением, а нередко и творцом лиминальности в современных условиях становится популизм как политический стиль, идеология и стратегия, а в предельном случае – тип политического режима. Феномен этот в политике не нов: уже античные авторы, в частности, Аристотель, давали глубокую и точную характеристику демагогии, чрезвычайно важную для понимания природы современного популизма. Они обращали внимание на то, как граждане и лидеры используют красноречие и политические свободы не только ради получения голосов большинства, но и для того, чтобы подавить оппозицию и полностью лишить ее значения. К структурным условиям, благоприятствовавшим необузданности демагогов, Аристотель относил кризис общественного плюрализма (т.е. поляризацию богатых и бедных) и распад среднего класса. Два эти фактора были и остаются главными причинами политического упрощения, определяя и характер политических решений, чуждых умеренности и компромиссов [Моска 2012: 37].

Особенно тревожно превращение правила большинства в правление большинства. Демократическая процедура предусматривает принятие решений с опорой на количественное большинство; демагогия же превозносит мнение большинства, чтобы непосредственно перевести интересы победителей в закон, не тратя время на опосредование и компромиссы. Игнорируются процедуры, и поляризация помогает такой стратегии. “Переход от правила большинства как процедуры принятия решений к правлению большинства – вот радикальная трансформация демократии, открываемая демагогией и популизмом” [Урбинати 2016: 267]. Демагогия в этом смысле представляет собой форму политического языка, в целом созвучную политике демократических собраний. Однако ее “нейтральное” прочтение переставало работать, когда появлялся тиран.

Феномен древнегреческой тирании всегда привлекал к себе пристальное внимание как античных, так и современных авторов. Особый интерес вызывало происхождение и сам механизм выдвижения тирана. Как показал Аристотель, нарушали существующие правила и превращали демагогию в тиранию вовсе не олигархи или меньшинство как таковое. Такую функцию выполняла определенная часть этого меньшинства, которая при помощи риторики и спекуляций на происходивших социальных бедствиях стремилась приобрести больше власти и использовать обнищание людей в качестве оружия против тех представителей меньшинства, которые все еще поддерживали равновесие между классами, выступая оплотом демократического строя. *Третья сторона* – между меньшинством и большинством, на которую указывал Аристотель, это ключевой элемент для понимания не только об-

ественных условий победы демагогии, но и роли отдельного лидера [там же: 271-272]. Таким образом, демагоги являли собой разрыв внутри класса меньшинства и добивались поддержки народа с целью принятия законов в собственную пользу¹.

Подобно демагогии и независимо от своего обращения к “единому телу” народа, популизм – это движение, опирающееся на искусное применение слов и массмедиа, нацеленное на то, чтобы склонить большинство к политике, которая не обязательно будет проводиться в его интересах. Игнорируя открытое, плюралистическое, продолжительное обсуждение, он использует стратегию нового объединения народа для выдвижения претензий на большую власть и ее приобретение.

На этот относительно новый феномен массовой манипуляции фактами и мнениями, проявляющейся в создании имиджей и фикций и в реальной государственной политике, в свое время обращала внимание Х. Арендт. В отличие от политической лжи традиционного толка, хорошо известной из истории дипломатии и государственного управления, политическая ложь современного толка, по ее мнению, успешно работает и с тем, что вообще не представляет тайны и известно практически каждому. “Яркий пример – переписывание истории на глазах у тех, кто был ее свидетелем, но не менее показательны и всевозможные виды имиджмейкинга, когда, опять же, любой известный и установленный факт может отвергаться или игнорироваться, если он вредит имиджу. Ведь задача имиджа, в отличие от старомодного портрета, не в том, чтобы льстить действительности, а в том, чтобы полноценно ее подменять” [Арендт 2014: 373]. По мнению Арендт, в прежние времена была неизвестна подобная манипуляция с фактами. Ориентиром для целых групп людей и целых наций может стать паутина обмана, в которую их лидеры хотели бы поймать своих оппонентов. В таких условиях те, кто настаивает на обсуждении фактов и событий, которые в этот обман не укладываются, воспринимаются как более опасная сила, чем действительные враги. В отдаленной перспективе промывка мозгов может привести к тому, что люди совершенно откажутся верить в истинность чего бы то ни было, с какой бы достоверностью она (т.е. истина) не была бы установлена. Другими словами, чувство, посредством которого люди ориентируются в современном мире, будет уничтожено [там же: 380].

История знает печальные примеры успеха популистских движений. В Италии Б. Муссолини после Первой мировой войны эксплуатировал тяжелое экономическое положение среднего класса и обнищание людей, чтобы поляризовать политическую жизнь и трансформировать итальянское либеральное правление в режим, опирающийся на массы и обращенный против политических меньшинств. Официально конституция либерального государства не была отменена, но Муссолини создал популистский режим, который постоянно обращался к народу и использовал пропаганду для мобилизации большинства и оформления его мнений, подавляя при этом

¹ Аристотелевская схема прошла проверку временем. В конце 1970-х годов правые консервативные правительства М. Тэтчер в Великобритании и Р. Рейгана в США прокламировали и осуществляли популистскую политику, опирающуюся на поддержку большинства, но нацеленную на дерегулирование, роспуск профсоюзов, демонтаж государства всеобщего благосостояния и особенно программ материальной помощи неимущим. Тем самым неимущие отдали свои голоса политикам не только проигнорировавшим, но фактически ущемившим их реальные интересы.

плюрализм и оппозицию [Мюллер 2014: 167-180]. Новыми версиями популизма в современной Италии стали сепаратистское движение “Лига Севера” и цезаристская политика С. Берлускони. Их главная риторическая стратегия заключается в изображении этих движений в качестве “подлинной” альтернативы существующим политическим партиям, правящим элитам и одновременно парламентской демократии. Располагая огромной медийной империей (около половины национальных телестанций и издательств), они применяют пропаганду для формирования единомыслия, эксплуатируют доксу, ставшую, скорее, их собственным, нежели народным, творением [Урбинати 2016: 283].

Многие современные авторы на Западе трактуют феномен популизма как зачастую неизбежную “тень” демократического режима, так как выборность и массовое участие предоставляют возможности для быстрого продвижения лидеров-популистов. Исследования политологов фокусируются на нескольких аспектах: на угрозе популизма для демократии [Vittori 2015; Mounk 2014], риторике популизма как коммуникационного акта [Pauwels 2011], технологии агитации и привлечения сторонников лидерами-популистами [Moffitt, Tormey 2014], а также на сущностной разнице между популизмом и идеологией [Canovan 2004: 241-242; Albertazzi, McDonnell 2008]. В 2016 г. был разработан индекс авторитарного популизма, на основе которого было проведено сравнительное исследование ряда европейских стран [Pappas 2016].

Для отечественных политологов представляют интерес исследования, выполненные по методологии кейс-стади [Populist Politics... 2008; Levitsky, Loxton 2013; Pappas 2014]. Они служат толчком для разработки новых методологических подходов, включая сравнительный анализ и выявление уникальности отдельных разновидностей популизма.

Теоретические и практические наработки современных политологов иллюстрируют сложный поиск причин и анализ разнообразных форм популизма, вырастающего из сконструированной идентичности, реакции на кризис современной модели глобализации, на технологизацию, охватившую не только политическую, но и всю сферу публичных отношений [Norris 2005; Sawyer, Laycock 2009].

СОВРЕМЕННЫЙ ПОПУЛИЗМ В КОНТЕКСТЕ ПОСТДЕМОКРАТИИ

Следует признать, что современный популизм предстает далеко не маргинальным, а скорее магистральным политическим явлением. Новый облик ему придала “постдемократия”, идентифицирующаяся с эрозией партий, медиатизацией политики и выдвиганием экспертов за счет партийных элит [Крауч 2010: 47].

В своей нашумевшей книге профессор социологии Уорикского университета (Великобритания) Колин Крауч утверждает, что в ряде отношений политика начала XXI в. возвращает нас к политике XIX столетия, которая определялась игрой, разыгрываемой между элитами. Причиной тому служит упадок общественных классов, сделавших возможными массовую политику и распространение глобального капитализма. Это, в свою очередь, привело к возникновению замкнутого политического класса, больше заинтересованного в создании связей с влиятельными бизнес-группами, чем в проведении политических программ, отвечающих интересам простых граждан. “...В политике не появилось ничего, что могло бы заменить собой тот вызов, который

на протяжении XX века бросал интересам богатых и привилегированных организованный рабочий класс”, – считает автор [Крауч 2010: 11]. Об ущербе, наносимом демократической политической системе ослаблением левых политических сил и возрастанием роли элит, убедительно свидетельствуют и другие известные авторы [Валлерстайн 2004: 180; Лэш 2002: 124]. Ключевой институт, стоящий за этими переменами, – это глобальная компания.

Другой приметой постдемократии можно считать медиатизацию политики. Несмотря на проведение выборов и возможность смены правительства, публичные предвыборные дебаты представляют собой тщательно срежиссированный спектакль, управляемый соперничающими командами профессионалов, которые владеют техниками убеждения, и ограниченный небольшим кругом проблем, отобранных этими командами. Масса граждан играет пассивную, молчаливую, даже апатичную роль, откликаясь лишь на посылаемые им сигналы, что напоминает не античную афинскую демократию народных собраний, а древнеримский форум, служивший плебисцитарным основанием для решений, принимавшихся политической элитой. Ядро популизма составляет скорее народ, а не граждан демократии, наделенный индивидуальными правами. “Отдельные граждане, являясь истинными держателями права голоса, тем не менее оказываются под давлением публичных предсказаний, которые самовыполняются методом замкнутого круга, выталкивая их из электоральных событий, – отмечает итальянский философ Д. Дзолло. – ... Тем самым опрос общественного мнения вытесняет демократию, ‘образ’ предвещает реальность, высасывая из нее содержание, и усугубляются существующие тенденции к абсентеизму и политической апатии” [Дзолло 2010: 287-288]. Рядом с реальным создается суррогатный электорат.

54

Однако за этим спектаклем медийной или электоральной игры разворачивается непубличная реальная политика, которая опирается на взаимодействие между избранными правительствами и элитами, представленными преимущественно деловыми кругами. По мнению К. Крауча, в условиях постдемократии, когда власть все чаще оказывается в руках деловых лобби, нет веских оснований рассчитывать на сильную эгалитарную политику перераспределения власти и богатства или на ограничения влиятельных заинтересованных групп.

Резко возросшее социальное неравенство, экономический застой в ряде стран все чаще выступают в качестве одного из важнейших факторов политического недовольства. Социальное положение, отодвинутое на периферию политической повестки дня, вновь возвращается в ее центр. Внимание людей все больше переключается на стесненные обстоятельства жизни, побуждая к резко отрицательной реакции в адрес истеблишмента, ответственного за создавшееся положение и слабо реагирующего на сигналы, поступающие от экономически ущемленных групп².

Благоприятную почву для роста общественного недовольства деятельностью правящих элит в последнее десятилетие создало совмещение во времени нескольких глубоких кризисов, адресовавших внешние вызовы демократической политической системе: финансового, экономического, а затем и ми-

² Примером может служить поддержка, оказанная Д. Трампу представителями рабочего класса в лице белых мужчин без высшего образования, чьи доходы снижались на протяжении последнего поколения. Будучи в прошлом надежным оплотом Демократической партии, эта группа избирателей почувствовала себя брошенной, поскольку демократы полностью утратили с ними связь. Даже *Obamacare* эти люди сочли более полезной другим, чем себе.

грационного. Экономическое недовольство, вызванное ростом неравенства в доходах, усугубилось опасениями (мнимыми или реальными) угрозы потери национальной идентичности, культурной самобытности вследствие массового наплыва в Европу мигрантов – представителей инокультурных групп. Произошедшие в ряде европейских городов террористические акты упрочили алармистские представления о необходимости срочных и экстраординарных мер; ответственность за возникшую угрозу общественной безопасности массы возложили не только на национальные правительства, но и на руководство Евросоюза, олицетворяющего политику “открытых дверей” и свободы передвижения. Членство в Евросоюзе не случайно стало удобной мишенью для политиков, критикующих неолиберальную модель глобализации и требующих возврата к национальному суверенитету.

Наряду с внешними возникли и внутренние вызовы демократической политической системе, выражающиеся преимущественно в снижении влияния традиционных “народных партий” и возникновении новых политических образований, подобных Сиризе или Подемос. В известном смысле это следствие дискредитации старых партий и открывшихся возможностей для политических предпринимателей, подобных лидерам новых партий, перехватить актуальную повестку, первыми отреагировать на новые общественные противоречия и конфликты. Массовые опросы показывают, что партии действительно теряют популярность, элиты “оторвались от земли”, а материальные интересы различных слоев населения в представительных политических институтах зачастую де-факто не представлены. Отсюда электоральное поведение становится менее уравновешенным и предсказуемым. Однако заявления о конце представительной демократии или даже представительной политики и о необходимости форсированного перехода к прямой демократии все же несколько поспешны³. В том, что в обществе распространено политическое недовольство, нет ничего нового. Партийные системы изменяются, в том числе и потому, что избиратели во многих европейских странах не идентифицируют себя отныне с одной-единственной партией, как это было раньше, и лучшие времена для “народных” партий, суммарно получавших на выборах до 90% голосов, по-видимому, уже в прошлом.

Иными словами, неблагополучие представительной демократии очевидно, однако те рецепты, которые предлагают популисты – вернуться на полвека назад, разрушить сложившееся союзы и нормативы ЕС, заменить плюралистическую демократию гомогенной и фактически плебисцитарной – не способ решения проблемы в XXI в. Критикуя традиционные политические институты за то, что они не отражают надежды, страхи и озабоченность простых граждан, популисты прибегают к языку демократии, действуя в ее процедурных рамках. Однако цель, по крайней мере, некоторых вариантов популизма, заключается в разрушении демократических процессов, в изменении или отмене либеральных ценностей в интересах более значимого блага (как они его понимают). При этом лишь немногие партии имеют программы, охватывающие весь спектр политических вопросов: чаще они концентрируют усилия на нескольких ключевых аспектах, вызывающих наибольшие про-

³ По мнению К. фон Байме, ламентации об упадке представительной ветви власти так же стары, как и сам парламентаризм.

явления недовольства [Гидденс 2015: 49]⁴. И это вполне объяснимо: многие лидеры-популисты пришли в политику из однопольных движений.

“Истинный популизм, который можно опознать по ряду признаков, заключается в том, что его представители полагают, что они и только они олицетворяют подлинный, настоящий, всегда гомогенно мыслимый народ, и это крайне опасно для демократии, — отмечает немецкий профессор политической теории Я.-В. Мюллер. — Популисты всегда антиплюралистичны, тогда как демократия может существовать только в плюралистической форме. Решающий вопрос нашего времени заключается в том, смогут ли популисты развиваться в направлении признания плюрализма или же они будут и дальше пытаться дискредитировать политические институты, которые не выражают постулируемую ими ‘народную волю’; смогут ли этаблированные партии воспринять легитимные пожелания избирателей популистских партий, не превратившись сами в популистов” [Mueller 2016]. По мнению автора, решающей является не антиэлитарная, но антиплюралистическая позиция популистов, претендующих на выражение народной воли, которую они сами же и формируют.

Новый момент в эволюции популизма заключается в том, что к нему как достаточно перспективной политической стратегии прибегают не только оппозиционные партии, возникающие “снизу”, из сельской или городской пролетарской среды⁵, но и лидеры традиционных партий и государственные деятели. “Харизматичная медийная демократия поощряет популистский стиль в общепринятой политике”, — отмечает известный политолог К.фон Байме [Байме 2014: 106]. Не разрушая открыто сложившиеся политические структуры, популисты пытаются дать им иное, “подлинное” толкование, что используется в качестве ресурса политической мобилизации и легитимации политических и управленческих практик, призванных узаконить (в том числе и формально-правовым способом, через корректировку конституционных норм) новые основания политической реальности. Чаще всего легитимирующим ресурсом выступает ретронационализм или умеренная версия религии, противоречащие светскому характеру государства, как правило, закрепленному в конституции. Однако в официальной риторике энергично звучат привлекательные для массового восприятия мотивы защиты демократии и сплочения против внешних и внутренних врагов.

По мнению Н. Урбинати, двумя важнейшими компонентами популизма являются поляризация большинства и меньшинства, ведущая к критике представительных институтов, и наличие лидера или центрального руководства. Без них, стремящихся к контролю над большинством, народное движение с популистской риторикой (т.е. дискурсом поляризации, выступающим против представительства) еще не является популизмом. “...Чтобы популизм превратился из движения в форму управления государственной властью, ему нужна органическая поляризующая идеология и лидер, который желает превратить народное недовольство и протесты в стратегию мобилизации

⁴ Предвыборная программа Г. Вилдерса (Партия свободы) строилась преимущественно на требованиях деисламизации Нидерландов, восстановлении независимости (выход из ЕС) и прямой демократии (обязывающие референдумы).

⁵ Популизм изначально был сельским движением, а теперь стал скорее урбанистическим феноменом.

масс ради завоевания демократического правительства” [Урбинати 2016: 251]. Популизм, по ее мнению, это проект власти, нацеленный на завоевание государства с целью помощи своим сторонникам, их консолидации и увеличения их числа.

ПОПУЛИСТСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ В СТРАНАХ ЗАПАДА

О привлекательности популизма не только в Европе, но и за океаном, свидетельствует успех Трампа на президентских выборах в США. Лидерство в уважаемой Республиканской партии захватил человек, не имеющий ни опыта политического руководства, ни навыков содержательной политической коммуникации, подменяя последнюю примитивными демагогическими приемами правопопулистского толка, обвиняя истеблишмент и используя страхи и предрассудки обывателя перед неконтролируемой миграцией, угрозами безопасности и т.д. При этом сам Трамп является частью истеблишмента, его финансового сегмента. Однако предпосылки для его появления созрели давно: достаточно вспомнить феномен *Tea Party movement* (движение “Чаетипитие”), довольно заметный на политическом небосклоне США 2010-х годов. У “Чайной партии” было много популистских составляющих в идеологии и риторике, однако ей не хватало единой вертикальной структуры, характерной для популизма. Эта партия искала объединяющего движение лидера, способного завоевать и изменить Республиканскую партию, а вместе с ней всю страну, так как с самого начала хотела быть чем-то большим, чем народное протестное движение (типа “Оккупируй Уолл-стрит!”). Появление в американской политике Трампа означает, что “Чаетипитие” как движение с популистским проектом власти обрело столь необходимый ему недостающий элемент — всенародно избранного лидера. Не случайно среди кандидатов на ответственные посты в администрации нового президента много видных деятелей *Tea Party*.

Политические заявления Трампа были крайне противоречивыми, ясной программы не просматривалось, однако избирателей привлекла его националистическая повестка в экономике, призванная восстановить рабочие места для белых американцев: за последние годы в США было потеряно около 2,5 млн рабочих мест [Фукуяма 2016]. Центральная мысль инаугурационной речи нового президента звучала в абсолютно популистском стиле: “Мы передаем власть не от одной администрации к другой, не от одной партии к другой — власть из Вашингтона возвращается к вам, народ Америки! В недавнем прошлом небольшая группа вашингтонских политиков процветала и пожинала плоды благосостояния, в то время как сокращались рабочие места и закрывались заводы”⁶.

Очевидно, что американская политическая система нуждается в серьезных преобразованиях, особенно в части ограничения влияния мощных лоббистских групп на процесс принятия решений, расширения представительства, участия экспертов в разработке наиболее сложных законов. Адекватным ответом на вызов народного протеста могла бы стать институциональная реформа,

⁶ День своего вступления в должность Д. Трамп “скромно” назвал днем, когда “народ вновь встал во главе Америки”. Примечательно, что практически идентичные речи “о защите народа” от нерадивых политиков звучали в январе 2017 г. в Кобленце, где проходил съезд ультраправых евроскептиков, включая французский Национальный фронт, Итальянскую “Лигу Севера”, немецкую “Альтернативу для Германии” и др.

однако вопрос о том, встретит ли она весомую поддержку в рядах правящего класса, остается открытым.

Тревогу вызывает складывающаяся политическая ситуация и в других странах, прежде всего европейских, где позиции этаблированных партий и руководство Евросоюза подвергаются яростным атакам со стороны как правых (в Голландии, Франции, Германии), так и левых популистов (в Греции и Испании). Вдохновленные примером *Brexit* и избранием Трампа президентом США, они стремятся мобилизовать как можно большее число сторонников, чтобы шантажировать Евросоюз, представляя брюссельскую бюрократию, нередко действительно не слишком расторопную и этически небезупречную, главным врагом государственного суверенитета и национальной идентичности. В свою очередь этаблированные партии также поддаются соблазну решить свои внутрипартийные проблемы методом общенародного голосования, и референдумы как демократическая процедура все активнее входят в арсенал современной публичной политики. Однако британский, а затем и итальянский примеры⁷ показали, что усилий, приложенных инициаторами референдумов, оказалось недостаточно, чтобы убедить сограждан в правильности проводимого политического курса и предлагаемых реформ. Активность противников, апеллировавших преимущественно к эмоциям, а не к рациональным доводам, оказалась выше и принесла им желанный успех.

ПОПУЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Новое политическое поветрие не обошло стороной и Россию, что неудивительно. Феномен популизма для нашей страны не только не нов, но весьма основательно освоен: достаточно вспомнить движение “народников” XIX в. или иные, более близкие политические практики, к примеру, выборы в Государственную Думу 1993 г. Тогда лидер ЛДПР В. Жириновский успешно использовал популистские приемы в целях эффективной политической мобилизации избирателей, взывая к этническим чувствам. Первый российский президент Б. Ельцин, несмотря на свою официальную идентификацию как демократа, на самом деле был национал-популистом, что также в немалой степени обеспечило его политический успех.

Оценки сегодняшнего политического режима сводятся к тому, что это правопопулистский авторитаризм, опирающийся одновременно на инкорпорированную олигархию и патерналистский конструкт “простого человека” с его традиционными и патриотическими ценностями. Политический миф режима строится на том, что единству лидера и нации “простых патриотических людей” угрожает союз внешних сил и их внутренний агент — образованные и прозападнически настроенные элиты.

Пропагандистски эксплуатируются темы консервативных ценностей: приоритет государства перед личностью; православие как источник ценностного консенсуса; сплочение различных слоев и групп вокруг лидера; активная политика памяти, эксплуатирующая подвиг советского народа в Великой Отечественной войне как символический ресурс легитимации современных внешнеполитических практик; осторожные попытки разыграть карту этнического национализма (через концепт “русского мира” и намерение защищать

⁷ Попытка премьер-министра М. Ренци осуществить конституционную реформу, окончившаяся неудачей и его отставкой.

русских повсюду, где они компактно проживают); затянувшиеся дискуссии о “государствообразующем народе”; прожекты самоизоляции, самообеспечения, “подлинного суверенитета” (импортзамещение) и т.д. Отсюда же откровенно антизападные пропагандистские кампании вкупе с попытками предстать в роли “подлинной демократии”, “подлинной Европы” и “подлинного христианства”, “православных основ подлинной российской культуры”. В целях достижения главной геополитической задачи – возврата в Ялтинско-Потсдамский мир и раздела сфер влияния между сверхдержавами – внешняя политика все больше испытывается на прочность довольно рискованными импровизациями. Примером могут служить стремительные метаморфозы в отношениях с турецким лидером Р. Эрдоганом, проделавших путь от жестких разоблачений турецкого “фашистского” режима до анонсирования “дружественных отношений” с ним. В основе же примирения, помимо необходимости налаживать двусторонние экономические и торговые отношения, страдающие от конфликта между двумя государствами, лежит откровенная неприязнь двух лидеров к процедурным ограничениям, нормативным предписаниям, т.е. ко всему тому, что и составляет сущность демократии как власти процедуры, которую популизм не терпит. Несмотря на разные траектории политической карьеры, В. Путин и Р. Эрдоган имеют много общего в стиле управления, стратегиях удержания и укрепления власти, в политической риторике и механизмах контроля над сферой публичной политики.

Результирующей такого политического стиля становится формирование нового политического порядка, получившего солидарную оценку исследователей как неопатримониализм [Фисун 2010: 159–160; Розов 2015: 158; Мартьянов 2016: 82–84]. Приватизация государства, публичных должностей и полномочий приводит к тому, что они становятся источником ренты для должностных лиц, которой они делятся с теми, кто наделил их частным правом на государство. “Такова траектория эволюции политического порядка обществ, в которых не сложились ни рациональная национальная бюрократия, независимая от политических элит, ни публично-правовые институты принятия политических решений. Соответственно становятся невозможны и сами современные процедуры открытой, рациональной легитимации элит и принимаемых ими решений, – считает В. Мартьянов. – При этом легитимация через опору на сакральную традицию уже неэффективна, а харизматичная легитимация неустойчива во времени. Патримониальным режимам не остается ничего иного, кроме как развить своеобразную модель рентно-сословной легитимации, связанной с целями обеспечения доступа разных сословий к определенным уровням и объемам ренты в обмен на лояльность. В результате легитимация сводится к мессианству и предназначению, в которых происходит подмена механизмов реального волеизъявления и консолидации общества его паллиативной мобилизацией вокруг власти, где мобилизация заменяет модернизацию, превращая ее из стратегии реформ в способ легитимации статус-кво” [Мартьянов 2016: 86].

В плане идеологии российский патримониализм опирается на эклектический популизм, сочетание компенсаторского национализма (“возрождающейся великой державы”), имитационного традиционализма и риторики модернизации. “Адаптация к переменам происходит не через усложнение состава и структуры общества, увеличение ценностного и культурного многообразия,

нарастание человеческого и интеллектуального потенциала, а, напротив, через его снижение и упрощение институтов, обеспечивающих базовые правила взаимодействия в социуме”, — считает руководитель Левада-центра Л. Гудков [Гудков 2011: 38]. Подобное институциональное упрощение базовых правил и снижение интеллектуального потенциала общества как раз и достигается посредством популистских приемов и стратегий.

Особую роль играет фактор лидера. В отличие от Б. Ельцина В. Путин умело использовал СМИ для формирования личностного почитания — здесь и верховая езда с обнаженным торсом, и байкерские пробеги и т.п. По мнению американского политолога П. Ратленда, этот пример иллюстрирует личное управление в обход официальных государственных институтов, а также соответствует образу действия мировых лидеров — популистов, представляющих “людьми из народа”, работающих против истеблишмента и готовых нарушать правила, чтобы служить, по их заверениям, потребностям нации [Ратленд 2016: 60]. На медийный компонент как центральный элемент в имидже и поддержании рейтинга популярности В. Путина неоднократно обращали внимание и российские исследователи [Гудков 2009: 9, 18].

В этом плане показательны результаты, характеризующие нынешнее состояние внутренней российской политики. Отмечаемое некоторыми авторами возросшее внимание властей к социальной сфере, выделение значительных средств для волонтерской деятельности социально ориентированных НКО в действительности не имеет однозначных трактовок. Майские указы президента Путина 2012 г., создавшие гигантскую нагрузку на региональные бюджеты, ясно свидетельствуют о том, что власть боится массовой протестной мобилизации и блокирует ее на путях патернализма, “отеческой” заботы о народе и т.д. Эта стратегия преследует цель сохранить основания консенсуса, существовавшего в 2000-е годы: забота власти о росте благосостояния граждан в обмен на их политическую лояльность. Сейчас финансовые ресурсы на продление консенсуса резко сократились, поэтому его пытаются сохранить через расширение гражданской активности в социальной сфере. Отсюда шаги навстречу активным общественным структурам как социальному клапану конвертации социальной энергии в достижение “мирных целей”. Показательно, что в Послании Федеральному Собранию РФ от 1 декабря 2016 г. Путин, приветствуя укрепление в российском обществе иммунитета к популизму и демагогии, воспроизвел типичную для популизма позицию “сплоченности и единства”, к которому должны стремиться россияне⁸.

Иная ситуация — в политической сфере. Целая серия запретительных законов, принятых депутатами Государственной думы VI созыва, демонстрирует, как политическая система “капсулируется” (А. Соловьев), становится все более ригидной, не способной обеспечить динамическую стабильность, т.е. содействовать развитию общественной системы при сохранении ее устойчивости. Очень сильна роль вето-игроков, ведущая к формированию так наз. *ветократии* (Ф. Фукуяма), т.е. мощным влияниям хорошо финансируемых групп интересов, создающих проблемы в реализации программ обеспечением программы обеспечения общего блага. Напротив, рейтинги политических и государственных институтов в оценке россиян заметно просели, за исключением личного рейтинга Путина и такого института, как армия

⁸ Путин В. 2016. Все, что нарушает права людей — несправедливо. — *Российская газета*. № 273 (7141). С. 2.

[Петухов 2016: 9-11]. Поэтому безответственная бюрократия и отсутствие инноваций — это признаки нездоровья политической модели, а отнюдь не доказательство ее устойчивости, особенно в ситуации, когда проблема будущего вообще снята с обсуждения. Достаточно вернуться к парламентским выборам 2016 г., когда актуальная повестка была совершенно выхолощенной и скучной; социальное положение, которое в ходе американских выборов вытеснило все другие водоразделы — расовые, этнические, проблемы гендерного равенства, географии и т.д., — в российском случае совершенно не звучало. При этом справедливость устойчиво лидирует в перечне ценностей, наиболее значимых для россиян.

ВЫЗОВ ПОПУЛИЗМА И РЕСУРСЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Хотя полноценной теории популизма еще не создано (Н. Урбинати), исследований на эту тему написано уже немало. Одной из первостепенных теоретических проблем остается проблема типологизации популизма, построенной на различных основаниях: характер требований и применяемых средств (умеренный и радикальный); ценности (правый и левый); функциональная роль (“хороший и плохой”, т.е. конструктивный и деструктивный). Интересный подход к типологии популистских партий предлагает Г.И. Вайнштейн, используя в качестве критерия их электоральные рейтинги [Вайнштейн 2016: 51-53]. Главным критерием все-таки остается характер требований. Умеренные популисты принимают представительную демократию и стремятся ее усилить посредством вовлечения все большего числа групп и интересов в процесс “делиберативной демократии”. Радикальные популисты, напротив, не приемлют “обсуждение”, настаивая на замене последнего решительностью действий, исходящих якобы из единой воли. Фактически они являются апологетами и творцами плебисцитарной демократии.

В последнее время возникла потребность в дополнительном критерии типологизации популизма, который вызывает наибольшие теоретические затруднения. По мнению польского исследователя Л. Кочановича, популистский посткоммунизм в Польше является одновременно “правящим популизмом”. “Среди многих определений популизма наиболее общее описывает популизм как движение, которое по своей природе выступает против существующей системы. Этот антисистемный характер популизма делает формулировку “правящий популизм” внутренне противоречивой. Эта оксюморонная особенность “правящего популизма” является источником многих, если не всех, двусмысленностей, содержащихся в языке идеологии правительства. Два дискурса, власти и популизма, противоречат друг другу, а возникающие преграды вызывают постоянное напряжение в языке и действиях” [Кочанович 2015: 377]. Как следует из сказанного, эта проблема актуальна не только для Польши.

Наличие популистов у власти, при всех скрытых угрозах демократическому строю, которые они создают, позволяет “протестировать” популизм реальными практиками, в том числе и польским кейс-стади. Попутно выяснится, в какой степени популизм может быть умеренным, т.е. служить обогащению политической жизни. Что же касается радикального популизма, то он однозначно представляет потенциальную опасность для демократии. По мнению К. фон Байме, в Германии популистские движения сравнительно

мало угрожают существованию демократии. С одной стороны, это связано с национал-социалистическим прошлым, отталкивающим людей; с другой — с ориентацией двух крупнейших народных партий на благосостояние, хотя популистские слоганы не чужды и им, дважды составлявшим “большую коалицию” [Байме 2014: 109]. Вместе с тем успех на региональных выборах 2016 г. “Альтернативы для Германии” — националистической и популистской политической силы, спекулирующей на страхах бундесбюргера перед массовой иммиграцией и терроризмом, заставляет отнестись к ней со всей серьезностью.

Что же касается новых демократий, то в них популисты опаснее, чем в старых. Двусмысленность используемого ими языка помогает привлечь голоса избирателей, но исключает какие-либо теоретические размышления. В этих странах не существует традиций прочной партийной системы, а институциональный инжиниринг до сих пор не завершен. Текущность избирателей ведет к нестабильности партийных организаций, а этнические различия оборачиваются более жесткой политикой, чем на Западе (например, в Словакии, Румынии или Сербии)⁹.

В литературе часто можно встретить изречение неизвестного автора: “Популизм никогда не длится долго — но он каким-то образом постоянно рядом”. Представитель классического бихевиоризма Х.-Д. Клингеманн называл популизм “совершенно нормальной патологией”; сегодня популизм считают “совершенно нормальным духом времени” (К. Мудде); “внутренней периферией” представительной демократии (Б. Ардити). Однако внутренняя периферия все активнее претендует на занятие центральных позиций, не смущаясь при этом отсутствием опыта и необходимых знаний¹⁰. Популизм, являясь симптомом определенных проблем в представительной демократии и в экономике и выступая с призывом к проведению “более народной” политики, в случае своего успеха подрывает конституционную демократию и представляемую ею правовую политику.

На негативные аспекты популизма обращает внимание и Фукуяма, хотя его оценка не столь категорична. По его мнению, рецепты, яростно пропагандируемые популистами, будучи принятыми, усугубят болезнь и ухудшат, а не улучшат ситуацию. Вместе с тем благодаря им правящие элиты испытали шок и лишились самодовольного благодушия. Для них “пришла пора подумать о более действенном решении проблем, которые они больше не могут отрицать или игнорировать” [Фукуяма 2016]. Но в случае прихода лидера-популиста к власти популизм становится не формой разоблачения существующих недостатков системы, а проектом политического обновления в направлении централизации власти, ослабления системы сдержек и противовесов, усиления исполнительной власти, пренебрежения политической оппозицией,

⁹ Показательным в этой связи является прошедший в сентябре 2016 г. референдум в Венгрии по поводу распределяемых Евросоюзом квот на размещение беженцев из стран Северной Африки и Ближнего Востока. Примечателен даже не референдум как таковой, не имеющий юридической силы, но намерение премьер-министра В. Орбана “продать” его Евросоюзу в торге по поводу соблюдения или несоблюдения Венгрией правил Евросоюза и условий членства в нем. (Слоган, сопровождавший кампанию, звучит очень категорично: “Будапешт или Брюссель!”). Несмотря на неудачу с референдумом (низкая явка), Орбан не отказывается от намерений изменить конституцию страны, усилив собственные полномочия.

¹⁰ “Мы — дилетанты, идущие на смену профессионалам, погубившим все!” — заявил в интервью *Euronews* 26 ноября 2016 г. итальянский парламентарий, лидер “Движения пяти звезд” Б. Грилло.

трансформации выборов в плебисцит, служащий интересам лидера и т.д. Выбор таких институциональных форм и такой политической реорганизации государства может изменить и даже уничтожить конституционную демократию, а не стать для нее “полезным коррективом” [Populismus 2006: 16]. Популизм оспаривает все не прямые формы политического действия, созданные представительным правлением, и стремится освободить политическую арену от партийных составляющих, наполняя ее одним значимым нарративом, как правило, ретронационализма. Электоральная легитимность как “формальность” приносится в жертву “глубокому единству” лидеров и народа, что способствует утверждению идеологической легитимности, противопоставляемой конституционной и процедурной легитимации. Таким образом, персонализация политики — не случайность для популизма, а скорее его предназначение, особенно в случае стратегического применения массмедиа как орудий пропаганды.

Персонализация сближает популизм и плебисцитаризм, превращая народ в реагирующую массу последователей. Современные популисты широко используют мобилизационные технологии, но множество создаваемых ими гибридных форм представительства интересов угрожает конституционному строю. Ю. Хабермас, убежденный защитник делиберативной демократии, именно в популизме видел серьезную угрозу гражданскому обществу, поскольку традиционные идентичности начинают защищаться на популистский манер. Эта опасность, по его мнению, сегодня серьезнее, чем опасности классического модерна с его эсхатологически-революционными идеологиями трансформаций [см. Байме 2014: 108].

Сегодня представительная демократия встречает вызовы на многих условных фронтах, включая уточнение того, что означает ее успешное функционирование. Главная причина растущего популизма заключается в усиливающемся чувстве отстраненности людей от происходящего в политической сфере, их нереализованном желании быть услышанными. Вовлечение граждан, особенно на низовом, коммунальном уровне, где они компетентны решать многие проблемы, становится одним из главных требований времени. Другим таким требованием является транспарентность как действенное средство против недоверия, как инструмент контроля над деятельностью политиков и чиновников. Это центральная проблема как преобладающего сегодня стиля управления, так и атак на него.

Два требования сегодня неоспоримы: влияние граждан на процесс принятия решений и гарантированные возможности политического участия. Там, где два эти элемента встречаются в политической повседневности, могут возникнуть новые модели гражданского участия, например, “консультативная демократия”, способная развиваться в четвертую власть (наряду с законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти). Она может выстроить мосты между управляющими и управляемыми благодаря тому, что законодательные процедуры и процесс принятия решений будут проходить при постоянных консультациях с гражданами (в том числе, в режиме онлайн), генерируя тем самым команды “входа” в политическую систему со стороны ее базиса. Консультативная демократия могла бы принять на себя одну из главных функций социального партнерства, т.е. разработку экспертиз для

правительства и трансляцию интересов различных групп [Osztovcics, Kovar, Fernsebner-Kokert 2017: 68].

Оживившиеся дискуссии об отказе от представительной демократии в пользу процедур прямой демократии зачастую исходят из допущения, что все решения о путях политического развития должны быть делегированы избирателям. Но преимущество представительной демократии, по меньшей мере, в теории, состоит в придании вопросу делового характера и в искусстве компромиссов. Ведь только в институтах представительной демократии, в парламентах, в партиях и правительствах могут вестись полноценные дискуссии о ценностях, а в политических решениях выработаны общая воля и сбалансированы ориентиры на будущее. Поэтому демократии нужно дать новый старт, чтобы представительные институты получили поддержку со стороны различных форм прямой демократии.

По мнению В. Меркеля, вызовы демократии следует отличать от причин кризисов. Внешние вызовы, подобные неолиберальной глобализации финансовых рынков, супранационализации политических решений, растущему социально-экономическому неравенству или внутренние вызовы типа упадка народных партий и снижения роли парламентов лишь тогда станут кризисными явлениями, если политическая система не сможет развить функциональные и нормативные эквиваленты, способные компенсировать эти возникшие дисфункциональности и нормативный дефицит [Merkel 2016]. Происходящее сегодня осознание серьезности вызовов, адресованных демократии, позволяет надеяться на решение возникших проблем.

Арендт Х. 2014. *Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли*. М.: Изд-во Института Гайдара. 416 с.

Байме К. 2014. Популизм и правый экстремизм в партийных системах эпохи постмодерна. — *Берегиня 777 Сова*. № 4 (23). С. 101-109.

Вайнштейн Г.И. 2016. Антиэлитные настроения и подъем популизма в Европе. — *Прогнозирование социально-политических процессов и конфликтов в странах Запада и в России*. М.: ИМЭМО РАН. С. 46-61.

Валлерстайн И. 2004. *Конец знакомого мира: Социология XXI века*. М.: Логос. 368 с.

Гидденс Э. 2015. *Неспокойный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем?* М.: Издательский дом “Дело” РАНХиГС. 240 с.

Гудков Л. 2009. Природа путинизма. — *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. № 3 (101). С. 6-21.

Гудков Л. 2011. Инерция пассивной адаптации. — *Pro et contra*. Январь — апрель. С. 20-42.

Дзоло Д. 2010. *Демократия и сложность: реалистический подход*. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики. 320 с.

Кочанович Л. 2015. Возникновение постпосткоммунизма. — *Руководство по диалогу. Доверие и идентичность*. Под ред. К. Чижевского, И. Куляс. М. Голубевского. Сейны. 605 с.

Крауч К. 2010. *Постдемократия*. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики. 192 с.

Лэш К. 2002. *Восстание элит и предательство демократии*. М.: Прогресс. 224 с.

Мартьянов В.С. 2016. Российский политический порядок в рентно-сословной перспективе. — *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 81-99. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.08>

Морозова Е.В. 2014. Гибридность как модель развития современных политических институтов. — *Современная политическая реальность и государство: сложные методы исследований*: материалы XV Всероссийского научного семинара. Краснодар: Вика-Принт. С. 53-57.

Моска Г. 2012. *История политических доктрин*. М.: Мысль. 336 с.

Мюллер Я.В. 2014. *Споры о демократии: Политические идеи в Европе XX века*. М.: Изд-во Института Гайдара. С. 167-173.

Петухов В.В. 2016. Кризисная реальность и возможность политической трансформации российского общества. — *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 8-24. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.05.02>

Политическое как проблема. Очерки политической философии XX века. 2009. М.: Идея-пресс. 224 с.

Ратленд П. 2016. Постсоветские элиты России. — *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 55-72. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.03.06>

Розов Н.С. 2015. Теория трансформации политических режимов и природа неопатримониализма. — *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 157-172. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.06.15>

Семененко И.С. 2016. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст. — *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 8-28. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.03>

Сморгунов Л.В. 2012. Политическое “между”: феномен лиминальности в современной политике. — *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 159-169. Доступ: <http://www.politstudies.ru/article/4627> (проверено 31.05.2017).

Урбинати Н. 2016. *Искаженная демократия. Мнение, истина и народ*. М.: Изд-во Института Гайдара. 448 с.

Фисун А.А. 2010. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация. — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. № 4. С. 158-187.

Фукуяма Ф. 2016. Политический закат или обновление Америки? Значение выборов 2016 года. — *Россия в глобальной политике*. № 5. Доступ: <http://www.globalaffairs.ru/number/Politicheskii-zakat-ili-obnovlenie-Ameriki-18342> (проверено 28.05.2017).

Albertazzi D., McDonnel D. 2008. *Twenty-First Century Populism. The Spectre of Western European Democracy*. London: Palgrave Macmillan. 251 p. DOI: <https://doi.org/10.1057/9780230592100>

Canovan M. 2004. Populism for Political Theorists? — *Journal of Political Ideologies* Vol. 9. No. 3. P. 241-252 DOI: <https://doi.org/10.1080/1356931042000263500>

Dahrendorf R. 2003. *Auf der Suche nach einer neuen Ordnung. Eine Politik der Freiheit für das 21. Jahrhundert*. München: C.H. Beck Verlag. 147 S.

Levitsky S., Loxton J. 2013. Populism and Competitive Authoritarianism in the Andes. — *Democratization*. Vol. 20. No. 1. P. 107-136. DOI: <https://doi.org/10.1080/13510347.2013.738864>

Merkel W. 2016. Krise der Demokratie? Anmerkungen zu einem schwierigen Begriff. — *Aus Politik und Zeitgeschichte (APuZ 40 – 42/2016)*. URL: <http://www.bpb.de/apuz/234695/krise-der-demokratie-anmerkungen-zu-einem-schwierigen-begriff> (accessed 30.05.2017).

Moffitt B., Tormey S. 2014. Rethinking Populism: Politics, Mediatization and Political Style. — *Political Studies*. Vol 62. No. 2. P. 381-397. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9248.12032>

Mounk Y. 2014. Pitchfork Politics: The Populist Threat to Liberal Democracy. — *Foreign Affairs*. No. 5. P. 27-36.

Müller J.-W. 2016. Populismus. Symptom einer Krise der politischen Repraesentation? – *Aus Politik und Zeitgeschichte (APuZ 40 – 42/2016)*. URL: <http://www.bpb.de/apuz/234701/populismus-symptom-einer-krise-der-politischen-repraesentation?p=all> (accessed 08.05.2017).

Norris P. 2005. *Radical Right: Voters and Parties in the Electoral Market*. New York: Cambridge University Press. 366 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511615955>

Osztovcics W., Kovar A., Fernsebner-Kokert B. *Arena Analyse 2017 – Demokratie neu starten*. Wien: Kovar & Partners. 76 S.

Pappas T.S. 2014. Populist Democracies: Post-Authoritarian Greece and Post-Communist Hungary. – *Government and Opposition*. Vol. 49. No.1. P. 1-23. DOI: <https://doi.org/10.1017/gov.2013.21>

Pappas T.S. 2016. *Modern Populism: Research Advances, Conceptual and Methodological Pitfall, and the Minimum Definition*. Oxford Research Encyclopedias. DOI: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.17>

Pauwels T. 2011. Measuring Populism: A Quantitative Text Analysis of Party Literature in Belgium. *Journal of Elections, Public Opinion and Parties*. Vol. 21. No. 1. P. 97-119. DOI: <https://doi.org/10.1080/17457289.2011.539483>

Populismus. Gefahr für die Demokratie oder nützliches Korrektiv? 2006. Hrsg. von F. Decker. Wiesbaden: VS Verlag fuer Sozialwissenschaften. 252 S.

Populist Politics and Liberal Democracy in Central and Eastern Europe. 2008. Ed. by Mesežnikov G, Gyárfášová O., Smilov D. Bratislava: Institute for public affairs. 132 p.

Sawer M., Laycock D. 2009. Down with Elites and Up with Inequality: Market Populism in Australia and Canada. – *Commonwealth & Comparative Politics*. Vol. 47. No. 2. P. 133-150. DOI: <https://doi.org/10.1080/14662040902842836>

Vittori D. 2015. Is Populism Changing the Political Representation of Western Democracies? – *Political Sciences & Public Affairs*. Vol. 3. No. 1. DOI: <https://doi.org/10.4172/2332-0761.1000140>

DOI: [10.17976/jpps/2017.04.05](https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.05)

POPULISM AS A POLITICAL PHENOMENON AND THE CHALLENGE OF THE MODERN DEMOCRACY

A.V. Glukhova¹

¹*Voronezh State University. Voronezh, Russia*

GLUKHOVA Alexandra Viktorovna, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor, Head of Department of Sociology and Political Science, Voronezh State University. Email: avglukhova@mail.ru

Glukhova A.V. Populism as a Political Phenomena and the Challenge of the Modern Democracy. – *Polis. Political Studies*. 2017. No. 4. P. 49-68. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.05>

Received: 26.02.2017. Accepted: 10.04.2017

Abstract. The article deals with the phenomenon of modern populism, its nature and varieties in terms of the post-modern and “post-democracy” epoch (K. Krauch). These terms are: decline of party system, medialization of politics, and wide promotion of experts using the party membership. The historical roots of modern populism are analyzed, such as demagogic speech practices of tyrants in ancient policies, and structural factors, which influenced the foremost crisis of public pluralism and disintegration of middle class. The author pays particular attention to such major components of populist motions as ideology of polarization (majority vs. minority), criticism of representative institutions, and a bright leader who is able to convert mass dissatisfaction into strategy of mass-mobilization. The author underlines the enormous role of modern mass-media that are capable of influencing the majority to share politics that is not in their interest: the corresponding mass reaction turns out to be irrational. Populism is contesting all indirect

forms of political action created by representative government. It seeks to clear the political arena from party activities, filling it with a meaningful narrative, which is often a retro-nationalism. Personalization of politics is not an accident, but rather a purpose of populism, especially in the case of the strategic use of mass media as a propaganda tool. The article outlines preliminary approaches to a possible typology of populist movements. The danger of radical populism that denies pluralism is noted, due its public discrediting of political institutions. The relevant examples of manifestation of populism are analyzed, such as D. Trump's election campaign in the USA, and the activity of right populist political forces in European democracies. According to the author, it is important to take into account two kinds of requirements: increasing influence of citizens on the decision-making process and guaranteed opportunities for political participation. On this basis, new models of civic engagement, including advisory democracy, may be created, in which legislative procedures and the decision-making process will be thoroughly consulted with citizens (including online consultations), thereby generating "entry" to the political system, as well as development of expertise for the government and translation of the interests of various groups.

Keywords: postmodern; glocalisation; media era; post-democracy; populism; demagogy; plebistitarizm, retro-nationalism; civil society; consultative democracy.

References

- Albertazzi D., McDonnel D. *Twenty-First Century Populism. The Spectre of Western European Democracy*. London: Palgrave Macmillan. 2008. 251 p. DOI: <https://doi.org/10.1057/9780230592100>
- Arendt H. *Between Past and Future: Six Exercises in Political Thought*. (Russ. ed.: Arendt H. *Mezhdushim proshlym i budushchim. Vosem' uprazhnenij v politicheskoy mysli*. Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara. 2014. 416 p.)
- Beyme K. von. Populism and Right-Wing Extremism in Postmodern Party Systems. — *Bereginya*. 777. *Sova*. 2014. No. 4 (23). P. 101-109. (In Russ.)
- Canovan M. *Populism for Political Theorists? Journal of Political Ideologies*. 2004. Vol. 9. No. 3. P. 241-252. DOI: <https://doi.org/10.1080/1356931042000263500>
- Crouch C. Post-democracy. (Russ. ed.: Crouch C. *Postdemokratiya*. Moscow: Izd. dom Gos. un-ta Vyshej shkoly ehkonomiki. 2010. 192 p.)
- Dahrendorf R. *Auf der Suche nach einer neuen Ordnung. Eine Politik der Freiheit fur das 21. Jahrhundert*. München: C.H. Beck Verlag. 2003. 147 p.
- Fisun A.A. Towards a Rethinking of Post-Soviet Politics: a Neo-Patrimonial Interpretation. — *Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research*. 2010. No. 4. P. 158-187. (In Russ.)
- Fukuyama F. American Political Decay or Renewal? The Meaning of the 2016 Election. — *Russia in Global Affairs*. 2016. No. 5. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2016-06-13/american-political-decay-or-renewal> (accessed 28.05.2017).
- Giddens A. Turbulent and Mighty Continent: What Future for Europe? (Russ. ed.: Giddens A. *Nespokojnyj i mogushchestvennyj kontinent: chto zhdet Evropu v budushchem?* Moscow: Delo. 2015. 240 p.)
- Gudkov L. Inertia of Passive Adaptation. — *Pro et Contra*. 2011. January – April. P. 20-42.
- Gudkov L. Priroda putinizma. — *Vestnik obschestvennogo mneniya. Dannye. Analiz, Diskussii*. 2009. July – September. No. 3 (101). P. 6-21.
- Kochanovich L. Vozniknovenie postpostkommunizma [Post-Post-Kommunism: Roots of the Phenomena]. — *Rukovodstvo po dialogu. Doverie i identichnost'*. Pod red. K. Chizhevskogo, I. Kulyas, M. Golyubevskogo [A Guide to Dialogue. Trust and Identity. Ed. K. Chizhevsky, I. Kulyas, M. Golyubevsky]. Sejnny. 2015. 605 p. (In Russ.)
- Lasch Ch. The Revolt of the Elites: And the Betrayal of Democracy. (Russ. ed.: Lasch Ch. *Vosstanie ehlyt i predateľ'stvo demokrati*. Moscow: Izd-vo Progress. 2002. 224 p.)
- Levitsky S. Loxton J. Populism and Competitive Authoritarianism in the Andes. — *Democratization*. 2013. Vol. 20. No. 1. P. 107-136. DOI: <https://doi.org/10.1080/13510347.2013.738864>
- Martyanov V.S. Russian Political Regime in the Rent-estate Perspective. — *Polis. Political Studies*. 2016. No. 4. P. 81-99. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.08>
- Merkel W. Krise der Demokratie? Anmerkungen zu einem schwierigen Begriff. — *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 2016. (APuZ 40 – 42/2016). URL: <http://www.bpb.de/apuz/234695/krise-der-demokratie-anmerkungen-zu-einem-schwierigen-begriff> (accessed 30.05.2017).
- Moffitt B., Tormey S. Rethinking Populism: Politics, Mediatization and Political Style. — *Political Studies*. 2014. Vol. 62. No. 2. P. 381-397. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9248.12032>
- Morozova E.V. Gibridnost' kak model' razvitiya sovremennyh politicheskikh institutov [Hybridism As a Model for the Development of Modern Political Institutions]. — *Sovremennaya politicheskaya real'nost'*

i gosudarstvo: slozhnye metody issledovanij: materialy XV Vserossijskogo nauchnogo seminara [Modern Political Reality and the State: Complex Methods of Research: Materials of the XV All-Russian Scientific Seminar]. Krasnodar: Vika-Print. 2014. P. 53-57.

Moska G. Storia di una dottrina politica. formazione e interpretazione, milano, giuffrè. (Russ. ed.: Moska G. *Istoriya politicheskikh doktrin*. Moscow: Mysl'. 2012. 336 p.)

Mounk Y. Pitchfork Politics: The Populist Threat to Liberal Democracy. — *Foreign Affairs*. 2014. No. 5. P. 27-36.

Müller J.-W. Das demokratische Zeitalter. Eine politische Ideengeschichte Europas im 20. (Russ. ed.: Müller J.-W. *Spory o demokratii: Politicheskie idei v Evrope XX veka*. Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara. 2014. P. 167-173.)

Müller J.-W. Populismus. Symptom einer Krise der politischen Repraesentation? — *Aus Politik und Zeitgeschichte (APuZ 40 – 42/2016)*. URL: <http://www.bpb.de/apuz/234701/populismus-symptom-einer-krise-der-politischen-repraesentation?p=all> (accessed 08.05.2017).

Norris P. *Radical Right: Voters and Parties in the Electoral Market*. New York: Cambridge University Press. 2005. 366 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511615955>

Osztovcics W., Kovar A., Fernsebner-Kokert B. *Arena Analyse 2017 – Demokratie neu starten*. Wien: Kovar & Partners. 76 p.

Pappas T.S. *Modern Populism: Research Advances, Conceptual and Methodological Pitfall, and the Minimum Definition*. Oxford Research Encyclopedias. 2016. DOI: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.17>

Pappas T.S. Populist Democracies: Post-Authoritarian Greece and Post-Communist Hungary. — *Government and Opposition*. 2014. Vol. 49. No.1. P. 1-23. DOI: <https://doi.org/10.1017/gov.2013.21>

Pauwels T. Measuring Populism: A Quantitative Text Analysis of Party Literature in Belgium. — *Journal of Elections, Public Opinion and Parties*. 2011. Vol. 21 (1). P. 97-119. DOI: <https://doi.org/10.1080/17457289.2011.539483>

Petuhov V.V. The Crisis Reality and Prospects of Political Transformation of the Russian Society. — *Polis. Political Studies*. 2016. No. 5. P. 8-24. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.05.02>

Politicheskoe kak problema. Oчерki politicheskoi filosofii XX veka [Political As a Problem. Essays on the Political Philosophy of the Twentieth Century]. 2009. Moscow: Ideya-press. 2009. 224 p. (In Russ.)

Populismus. Gefahr für die Demokratie oder nützliches Korrektiv? Hrsg. von F. Decker. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, Opladen. 2006. 238 S.

Populist Politics and Liberal Democracy in Central and Eastern Europe. Ed. by G. Mesežnikov, O. Gyárfásová, D. Smilov. Bratislava: Institute for public affairs. 2008. 132 p.

Rozov N.S. The Theory of Political Regimes' Transformation and Nature of Neopatrimonialism. — *Polis. Political Studies*. 2015. No. 6. P. 157-172. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.06.15>

Rutland P. Russia's Post-Soviet Elite. — *Polis. Political Studies*. 2016. No. 3. P. 55-72. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.03.06>

Sawer M., Laycock D. Down with Elites and Up with Inequality: Market Populism in Australia and Canada. — *Commonwealth & Comparative Politics*. 2009. Vol. 47 (2). P. 133-150. DOI: <https://doi.org/10.1080/14662040902842836>

Semenenko I.S. Identity Politics and Identities in Politics: Interethnic Perspectives in a European Context. — *Polis. Political Studies*. 2016. No. 4. P. 8-28. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.03>

Smorgunov L.V. Political Between: the Phenomenon of Liminality in Contemporary Politics. — *Polis. Political Studies*. 2012. No. 5. P. 159-169. (In Russ.) URL: <http://www.politstudies.ru/en/article/4627> (accessed 31.05.2017).

Urbinati N. Democracy Disfigured. (Russ. ed.: Urbinati N. *Iskazhennaya demokratiya. Mnenie, istina i narod*. Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara. 2016. 448 p.)

Vittori D. Is Populism Changing the Political Representation of Western Democracies? — *Political Sciences & Public Affairs*. 2015. Vol. 3. No. 1. DOI: <https://doi.org/10.4172/2332-0761.1000140>

Wallerstein I. The End of the World as We Know It: Social Science for the Twenty-first Century. (Russ. ed.: Wallerstein I. *Konec znakomogo mira: Sociologiya XXI veka*. Moscow: Logos. 2004. 368 p.)

Weinstein G.I. Antiehlitnye nastroyeniya i pod"em populizma v Evrope [Anti-elite Sentiment and the Rise of Populism in Europe]. — *Prognozirovanie social'no-politicheskikh processov i konfliktov v stranah Zapada i v Rossii* [Prediction of Socio-Political Processes and Conflicts in the Countries of the West and in Russia]. Moscow: IMEMO RAN. 2016. 183 p.

Zolo D. Democracy and Complexity. A realist Approach. (Russ. ed.: Zolo D. *Demokratiya i slozhnost': realisticheskij podhod*. Moscow: Izd. dom Gos.un-ta – Vyshej shkoly ehkonomiki. 2010. 320 p.)